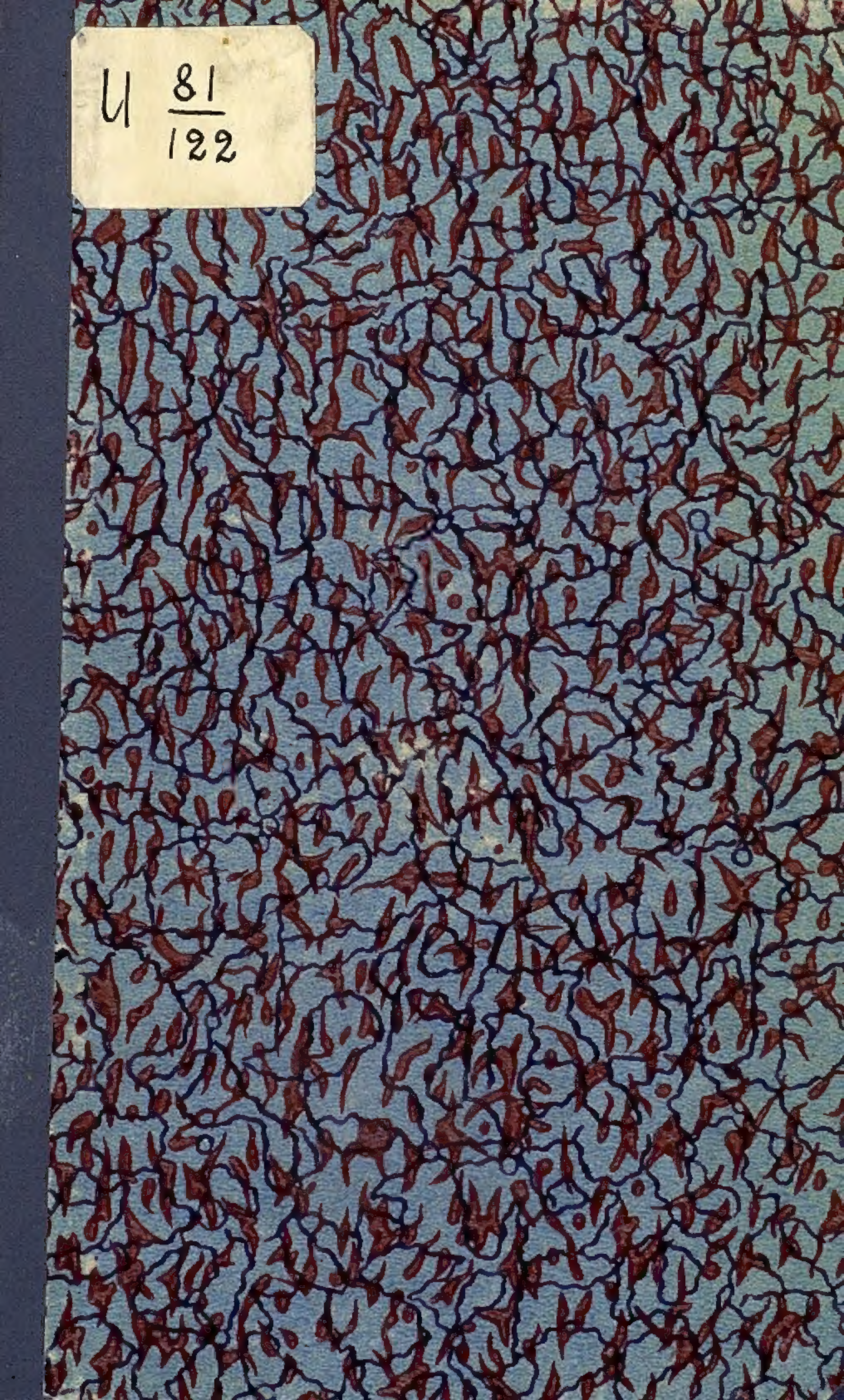

И 81
122

И 1/81 122
Ф 1-65/11411

Проф. П. Н. Ардашевъ.

НАЦІОНАЛИЗМЪ НА ЗАПАДѢ.

Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе моменты его развитія.

Лекція, читанная въ Кіевскомъ клубѣ Русскихъ націоналистовъ 14-го октября 1910 года.

Изданіе Кіевскаго клуба Русскихъ націоналистовъ.





КІЕВЪ.
Лито-типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Караваевская, д. № 5.
1911.

Проф. П. Н. Ардашевъ.

НАЦІОНАЛИЗМЪ НА ЗАПАДѢ.

Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе моменты его развитія.

Лекція, читанная въ Кіевскомъ клубѣ Русскихъ националистовъ 14-го октября 1910 года.

Изданіе Кіевскаго клуба Русскихъ
націоналистовъ.



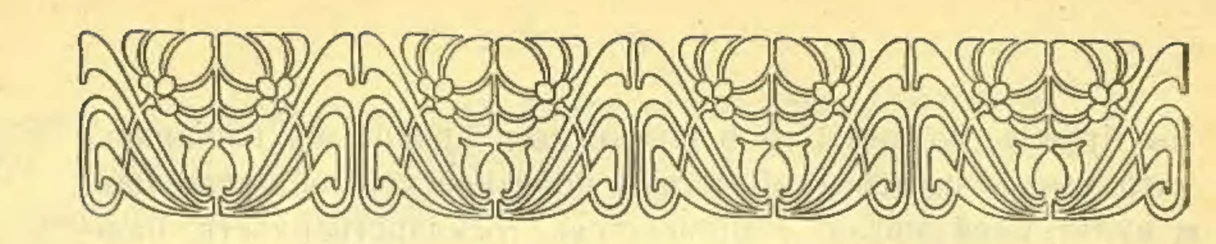
КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Кº (Караваевская, 5).
1911.

2007056171

Оглавленіе.

НАЦІОНАЛИЗМЪ НА ЗАПАДѢ.





НАЦІОНАЛИЗМЪ на ЗАПАДѢ.

Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе мементы его развитія.

М. Г-ни и М. Г.!

Позвольте начать бесѣду вопросомъ: что такое *націонализмъ?*

Ставлю этотъ вопросъ не потому, чтобы я собирался дать подробно мотивированное и вполнѣ исчерпывающее опредѣленіе того, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ націонализмъ. Конечно, я этого не собираюсь дѣлать хотя бы уже потому, что для выполненія подобной задачи потребовалась бы цѣлая лекція. Нѣтъ, мои намѣренія гораздо болѣе скромны, и задача, которую я себѣ ставлю въ данномъ случаѣ, гораздо проще. Я хотѣлъ бы лишь *условиться* съ Вами на этотъ счетъ, чтобы намъ знать, что мы будемъ разумѣть подъ націонализмомъ въ настоящей бесѣдѣ. Условиться же на этотъ счетъ безусловно необходимо въ виду того, что за словомъ *націонализмъ* до сихъ поръ не установилось вполнѣ опредѣленнаго и общеобязательнаго значенія. Иногда подъ націонализмомъ разумѣется извѣстное *настроеніе*, иногда извѣстное *ученіе,* иногда извѣстное *поведеніе,* наконецъ извѣстное *партійное теченіе.*

I.

Итакъ, условимтесь. Слово націонализмъ мы будемъ понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. А именно: во-первыхъ, въ порядкѣ *объективномъ,* подъ націонализмомъ

мы будемъ разумѣть всѣ возможныя проявленія національнаго начала во всѣхъ областяхъ политической, общественной и культурной жизни. Національная государственность, національная церковь, національная литература, національный бытъ и т. д..—все это мы будемъ разсматривать, какъ конкректныя и частичныя проявленія того общаго факта, который обозначается словомъ націонализмъ. Во-вторыхъ, въ порядкѣ *субъективномъ*, мы будемъ подразумѣвать подъ націонализмомъ вообще положительное отношеніе къ національному началу, какъ къ началу, представляющему собой нѣкоторую положительную цѣнность. Въ этомъ отношеніи слово націонализмъ будетъ обнимать собою всѣ тѣ явленія какъ индивидуальной, такъ и коллективной психологіи, которыя обозначаются выраженіями: „національное чувство", „національное сознаніе" или „самосознаніе", „національное настроеніе", „національное міросозерцаніе", „національныя стремленія", „національные идеалы", „національный патріотизмъ" и т. д. Само собою разумѣется, что положительное отношеніе къ національному началу не исключаетъ отрицательнаго отношенія къ тѣмъ извращеніямъ, которымъ это начало нерѣдко подвергается на практикѣ, каковы: шовинизмъ, ксенофобія (чужебоязнь), національная исключительность. Я счелъ нелишнимъ сдѣлать эту оговорку въ виду довольно распространеннаго у насъ недоразумѣнія, въ силу котораго принимается за нормальныя функціи націонализма то, что въ дѣйствительности составляетъ его болѣзненные симптомы. Отъ этого обычнаго недоразумѣнія не удалось освободиться и Вл. Соловьеву, опредѣляющему націонализмъ такъ: „превращеніе живого народнаго самосознанія въ отвлеченный принципъ, утверждающій „національное", какъ безусловную противоположность „универсальнаго", и „свое родное", какъ безусловную противоположность „чужеземнаго"... „Націонализмъ, какъ исключительное утвержденіе національнаго начала въ ущербъ началамъ личному и универсальному, есть воззрѣніе прежде всего антиисторическое. Съ другой стороны, обособленіе каждаго народа въ смыслѣ отрицательномъ, т. е. его отчужденіе отъ всѣхъ другихъ и замкнутость въ себѣ, будучи дѣломъ безнравственнымъ по существу, какъ отрицаніе альтруизма и человѣческой солидарности,—является, при современномъ

прогрессѣ внѣшней культуры, физическою невозможностью". Легко видѣть, что Вл. Соловьевъ смѣшиваетъ націонализмъ съ національной исключительностью и ксенофобіей и, думая характеризовать функціи націонализма, на самомъ дѣлѣ даетъ намъ клиническую картину его болѣзненныхъ симптомовъ. Совершенно вѣрно, что національная исключительность есть явленіе анти-историческое и безнравственное, какъ отрицающее альтруизмъ и человѣческую солидарность; но это есть извращеніе націонализма, а не націонализмъ, который не только не отрицаетъ ни альтруизма, ни человѣческой солидарности, но, наоборотъ, воспитываетъ альтруизмъ на почвѣ національной солидарности и подготовляетъ почву для общечеловѣческой солидарности путемъ воспитанія національнаго сознанія, высокое развитіе котораго всегда связано съ уваженіемъ къ другимъ націямъ. Поэтому націонализмъ, въ своихъ нормальныхъ и здоровыхъ проявленіяхъ, не только не идетъ въ разрѣзъ съ человѣческой солидарностью, но наоборотъ, способствуетъ ея прогрессу путемъ развитія солидарности между-національной. У насъ, къ сожалѣнію, еще очень много людей, которые этого не понимаютъ, и что еще того хуже, не хотятъ понять. Напуганные болѣзненными симптомами націонализма, они, ради устраненія болѣзни, готовы упразднить самого больного. А больной-то во всякомъ случаѣ не настолько безнадеженъ, чтобы нуждаться въ ампутаціи головы. Въ дѣйствительности онъ оказывается гораздо болѣе здоровымъ и жизнеспособнымъ, чѣмъ это кажется непрошенымъ хирургамъ...

II.

Если теперь мы подойдемъ съ тѣмъ широкимъ пониманіемъ націонализма, какое я имѣлъ честь Вамъ предложить, къ исторической дѣйствительности европейскаго Запада, то мы найдемъ, что *послѣдовательный ростъ націонализма* представляетъ господствующее явленіе новѣйшаго европейскаго развитія. Девятнадцатое и двадцатое столѣтія можно назвать *эпохой націонализма* въ такомъ же смыслѣ, какъ XVIII вѣкъ называется вѣкомъ „просвѣщенія", какъ XVI в.—временемъ реформаціи, какъ XV вѣкъ—эпохой гуманизма.

Новѣйшее время можно назвать *вѣкомъ націонализма* въ томъ смыслѣ, что въ эту пору это культурно-общественное явленіе достигло своего полнаго развитія, своей зрѣлости. Но во всякомъ сложномъ культурно-общественномъ явленіи періоду зрѣлости всегда предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительный подготовительный періодъ, періодъ зарожденія, роста и болѣе или менѣе быстраго или медленнаго созрѣванія. Такъ, итальянскій гуманизмъ, вполнѣ расцвѣтшій лишь во второй половинѣ XV вѣка, имѣлъ своихъ предшественниковъ еще въ началѣ предыдущаго столѣтія. Подобнымъ же образомъ, подготовительныя стадіи реформаціоннаго движенія, широко развернувшагося, начиная съ первой половины XVI вѣка, мы найдемъ и въ гуссистскомъ движеніи XV вѣка, и въ виклефизмѣ XIV вѣка, и въ многочисленныхъ сектантскихъ движеніяхъ XII—XIII вѣковъ. „Просвѣщеніе" XVIII вѣка точно такъ же имѣло своихъ предшественниковъ въ предыдущемъ столѣтіи, не говоря уже о многочисленныхъ историческихъ нитяхъ, связывающихъ это умственное движеніе съ гуманизмомъ XV—XVI вѣковъ. Подобнымъ образомъ, и то культурно-общественное явленіе, которое мы называемъ націонализмомъ, прежде чѣмъ распуститься пышнымъ цвѣтомъ въ XIX—XX вѣкахъ, должно было пройти цѣлый рядъ подготовительныхъ стадій, растянувшихся на протяженіи многихъ столѣтій. Западные націоналисты имѣютъ не менѣе отдаленныхъ предковъ, чѣмъ гуманисты, которые и сами, какъ я постараюсь далѣе выяснить, могутъ съ полнымъ правомъ считать себя предками націоналистовъ новѣйшаго времени *въ области идей.* Съ такимъ же правомъ въ сферѣ *фактическихъ общественныхъ отношеній* предками націоналистовъ могутъ быть названы первые національные короли западныхъ народовъ.

Для того, чтобы понять значеніе, съ одной стороны—*гуманизма*, а съ другой—новаго *національнаго государства* въ исторіи западнаго націонализма, необходимо первыхъ дѣломъ дать себѣ отчетъ въ характерѣ той культурно-общественной обстановки, картину которой представляла средневѣковая Европа. Въ первую половину среднихъ вѣковъ еще не существуетъ *націй* въ строгомъ смыслѣ слова; имѣются на лицо лишь различные племенные элементы, изъ которыхъ путемъ, съ

одной стороны —взаимнаго слiянiя, *амальгамацiи,* съ другой - путемъ обособленiя, *дифференцiацiи*, начинаютъ вырабатываться болѣе или менѣе крупныя культурно-племенныя группы съ нацiональнымъ характеромъ. Это были, такъ сказать, эмбрiоны будущихъ европейскихъ нацiй; потребовалось нѣсколько столѣтiй для того, чтобъ изъ этихъ эмбрiоновъ выросли тѣ могучiе культурно-общественные организмы, которые носятъ названiе европейскихъ нацiй. Если ростъ этотъ былъ такъ медленъ, что потребовалъ ряда столѣтiй, то это —благодаря отсутствiю благопрiятныхъ для этого условiй въ той исторической обстановкѣ, которую представляла средневѣковая среда—культурная и политическая.

III.

Что касается *политической* обстановки середины средневѣковья, т. е. того времени, къ которому начали обозначаться на фонѣ разноплеменной Европы контуры будущихъ великихъ нацiй,—то эта обстановка сводится къ господству *феодализма.* Феодальный строй, опиравшiйся, съ одной стороны —на *владѣнiе землей*, съ другой—на начало *личной вѣрности* вассала своему сюзерену, совершенно не считался съ племеннымъ составомъ населенiя. Границы феодально-государственныхъ тѣлъ и границы племенныя являлись двумя рядами взаимно несоизмѣримыхъ величинъ. Глава феодальнаго государства, король, означалъ не верховнаго представителя своей нацiи, тѣмъ болѣе что и нацiй-то въ строгомъ смыслѣ слова пока еще не было,—онъ былъ просто *сюзереномъ* извѣстной группы феодальныхъ владѣтелей, связанныхъ съ ними вассальною вѣрностью, и это совершенно безотносительно къ племенному составу тѣхъ или другихъ феодальныхъ „фьефовъ“ или „леновъ“, входившихъ въ составъ даннаго королевства. Такъ, въ концѣ XII вѣка въ составъ королевства Англiи входятъ почти на двѣ трети французскiя земли (Нормандiя, Аквитанiя), и владѣнiя англiйскаго короля или точнѣе—его вассаловъ, упирались на югѣ въ Пиренеи. У англiйскаго короля было больше вассальныхъ владѣнiй во Францiи, чѣмъ у самого французскаго короля, который владѣлъ

лишь ничтожной частью Франціи, въ качествѣ сеньера и менѣе, чѣмъ половиной Франціи, въ качествѣ сюзерена, остальная же большая часть входила частью въ составъ Англійскаго королевства, частью въ составъ другихъ суверенныхъ, независимыхъ ни отъ англійскаго ни отъ французскаго короля, владѣній, причемъ значительная часть теперешней Франціи (королевство Бургонь) входила въ составъ Священной Римской Имперіи Германской націи. Въ составъ послѣдней входила также и вся сѣверная половина Италіи, въ то время какъ южная ея половина, вмѣстѣ съ Сициліей, образовала такъ называемое Сицилійское королевство. Составлявшее ядро Священной Имперіи королевство Германское состояло изъ слабо связанныхъ между собою, почти независимыхъ герцогствъ. Что касается Пиренейскаго полуострова, то около половины его, въ серединѣ средневѣковья, находилось во владѣніи арабовъ, а остальная часть распадалась политически на нѣскольно самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ.

Если мы изъ области *фактичесиихъ отношеній* политической жизни средневѣковой Европы перейдемъ въ область *политическихъ идей*, то здѣсь мы также увидимъ совершенное отсутствіе какого бы то ни было стремленія къ приведенію политической организаціи въ соотвѣтствіе съ національно-племенною группировкою населенія. Идея *національнаго государства* была совершенно чужда среднимъ вѣкамъ. Господствующій въ средніе вѣка политическій идеалъ это—идеалъ *всемірной монархіи*, т. е. идеалъ чисто *космополитическій*.

Идеалъ этотъ былъ подсказанъ средневѣковымъ людямъ церковью, которая, являясь по своему характеру организаціей внѣнаціональной, вселенской, естественно, направляла мысль средневѣковаго человѣка въ сторону вселенскаго же, т. е. космополитическаго единенія. Церковь католическая смотрѣла на себя, какъ на *царство Божіе*, которое на землѣ должно было воплотиться во всемірную монархію во главѣ съ папой, по отношенію къ которому всѣ націи должны были стать подданными, всѣ свѣтскіе государи -вассалами, въ смыслѣ тогдашнихъ феодальныхъ отношеній. Дѣло шло объ осуществленіи не одного лишь *моральнаго*, духовнаго единства на почвѣ *единой вѣры*, но также и единства *матеріальнаго*, свѣтскаго, путемъ подчиненія всѣхъ мірскихъ властей *единой вер-*

ховной власти, власти папы. Въ лицѣ Григорія VII, въ концѣ XI вѣка, папа заявляетъ притязаніе на подчиненіе себѣ свѣтскихъ государей не только въ силу своего духовнаго авторитета, какъ глава церкви, но также и въ силу тѣхъ или другихъ государственно-правовыхъ соображеній и основаній, примѣнительно къ тогдашнему феодальному строю. Христіанскіе государи Пиренейскаго полуострова должны признать св. отца своимъ сюзереномъ на томъ основаніи, что Испанія представляетъ собственность св. престола со времени императора Константина, который ее подарилъ св. отцу. Одинъ изъ государей южной Франціи, графъ Бертранъ Провансальскій, добровольно отдаетъ себя въ вассальную зависимость отъ папы для того, чтобы тѣмъ заслужить прощеніе своихъ грѣховъ. Папа добивается вассальной присяги отъ цѣлаго ряда французскихъ и итальянскихъ государей, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ даже прибавляютъ къ обычной формулѣ своего титула „Божіею милостію“ слова, „и св. Петра“ (т. е. папы). Какъ далеко заходили тогда притязанія св. престола, можно судить по тому, что Григорій VII обратился къ великому князю Кіевскому Изяславу Ярославичу съ предложеніемъ признать себя вассаломъ св. престола. Не имѣя возможности сослаться въ данномъ случаѣ на какія-либо грамоты, папа ограничивается на этотъ разъ указаніемъ на необходимость для великаго князя „заслужить постоянное представительство верховнаго апостола передъ Богомъ“, чтобы „стяжать его молитвами славное царствованіе на землѣ и вѣчное блаженство въ будущей жизни“.

Печатью того же подсказаннаго католическою церковью космополитическаго идеала всемірной монархіи была отмѣчена и Священная Римская Имперія, въ составъ которой, кромѣ германскаго ядра, входили юго-восточная часть теперешней Франціи, сѣверная половина Италіи, славянскія земли нынѣшней Австро-Венгріи и не вполнѣ еще онѣмеченное славянское поморье (Померанія).

Такова была въ главныхъ чертахъ *политическая обстановка* средневѣковья къ тому времени, когда начинаютъ намѣчаться контуры будущихъ великихъ націй. Что эта обстановка не могла содѣйствовать развитію зарождавшихся націй и росту національнаго сознанія, это самою собою очевидно.

IV.

Столь же мало благопріятною въ данномъ отношеніи была и культурная обстановка средневѣковья. Эта *культурная обстановка* характеризуется опять-таки господствомъ католической церкви, которая вѣдь въ ту пору, въ особенности въ первую половину среднихъ вѣковъ, была главной, можно даже сказать—единственной носительницей всей духовной культуры того времени. Тогда не существовало образованія внѣ церкви, какъ не было образованнаго класса внѣ духовенства. Средніе вѣка не знали почти другой науки, кромѣ той, которая разрабатывалась въ стѣнахъ монастырей, „къ вящшей славѣ Божіей“,—они не признавали другой философіи, кромѣ той, что была „служанкой богословія“, и средневѣковая литература была по преимуществу литературой религіозной, церковной. Писатели, ученые, философы среднихъ вѣковъ,—это по преимуществу—монахи. Они были мыслителями среднихъ вѣковъ, они руководили мыслью средневѣковаго человѣка. Чрезъ нихъ церковь налагала свою печать на все міросозерцаніе средневѣковыхъ людей. А это міросозерцаніе вращалось главнымъ образомъ вокругъ двухъ идей: 1) идеи *теократической,* съ ея идеаломъ всемірной монархіи, какъ матеріальнаго воплощенія „Царства Божія“ на землѣ, и 2) идеи *аскетической,* съ сопутствующимъ ей идеаломъ отреченія отъ міра, т. е. отъ всего земного. Если послѣдняя изъ этихъ идей вращалась въ сферѣ далекой отъ той области, къ которой относится идея національности, то первая, т. е. идея космополитической всемірной монархіи, являлась идеей по существу враждебной національной идеѣ. При такихъ условіяхъ является вполнѣ естественнымъ, что вся духовная культура среднихъ вѣковъ получила *космополитическій,* безнаціональный характеръ. Этотъ характеръ ея подчеркивался еще господствомъ въ наукѣ, философіи, наконецъ—въ литературѣ вообще *латинскаго языка.* Это господство международнаго, космополитическаго языка обусловливалось, съ одной стороны—невыработанностью національныхъ языковъ, съ другой—вліяніемъ католической церкви, усвоившей латинскій языкъ въ качествѣ языка богословія, въ качествѣ языка оффиціальнаго и, такъ

сказать, правительственнаго, наконецъ—въ качествѣ языка литературнаго, языка богословской литературы. Но занявши мѣсто недоразвившихся и не выработанныхъ живыхъ языковъ, латинскій языкъ тѣмъ самымъ послужилъ тормазомъ для этой выработки національныхъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тормазомъ для національнаго развитія вообще.

Изъ всего этого легко видѣть, что *культурная обстановка* средневѣковья была столь же неблагопріятна для роста національнаго начала на Западѣ, какъ и *политическая обстановка* того времени.

V.

Первымъ шагомъ къ развитію національнаго начала въ средневѣковой Европѣ было—*возникновеніе національныхъ государствъ.* Но спрашивается, какимъ образомъ на почвѣ средневѣковой общественности, космополитической и безгосударственной по своему характеру могло возникнуть національное государство? Мы говоримъ о средневѣковой общественности, какъ о *космополитической,* потому что ей еще не были извѣстны вполнѣ сложившіяся національности; мы говоримъ о ней, какъ о *безгосударственной,* потому что феодальный строй, связанный съ дробленіемъ власти, пріуроченной вдобавокъ къ землевладѣнію, т. е. къ отношеніямъ частно-правового порядка, не зналъ государства или государственности въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. государства со строгимъ единствомъ власти, притомъ власти особаго рода, независимой отъ какихъ бы то ни было частно-правовыхъ отношеній.

И вотъ, спрашивается, откуда же явились въ этой средневѣковой общественности безнаціональной и безгосударственной, тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось національное государство?

Вопросъ этотъ въ сущности распадается на три болѣе частныхъ вопроса, а именно: 1) какъ возникла въ средніе вѣка *государственность,* 2) какъ возникла *національность,* и 3) какъ осуществился взаимный союзъ между этими началами въ *національномъ государствѣ.*

Итакъ, прежде всего—о *возникновеніи государственности.* Новая государственность слагается на Западѣ на почвѣ

разложенія феодальнаго строя и подъ вліяніемъ *возрожденія римской государственной идеи.* Это положеніе, разумѣется, нуждается въ нѣкоторомъ поясненіи.

Разложеніе феодальнаго строя происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе роста *городовъ.* Въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ городская жизнь была крайне слабо развита, а въ нѣкоторыхъ областяхъ Европы и совсѣмъ не существовала. Въ предѣлахъ римской имперіи, съ распаденіемъ послѣдней и захватомъ значительной ея части германцами, существовавшіе города быстро приходятъ въ упадокъ и частью совершенно перестаютъ существовать, какъ города. Что касается областей, не входившихъ въ составъ имперіи, то тамъ совсѣмъ не было городовъ, по крайней мѣрѣ—въ нашемъ смыслѣ,—въ смыслѣ многолюдныхъ населенныхъ мѣстъ съ торгово-промышленнымъ характеромъ. Сколько-нибудь крупные городскіе центры существовали лишь въ наиболѣе значительныхъ узлахъ тогдашнихъ торговыхъ путей: по берегамъ Средиземнаго моря, Адріатики, Нѣмецкаго моря, по рѣкамъ По и Рейну. Впервые сильный толчекъ развитію городовъ на Западѣ дали крестовые походы, вызвавшіе сильное оживленіе торговыхъ сношеній между европейскимъ Западомъ и азіатскимъ Востокомъ.

Городъ же являлся могучимъ факторомъ разложенія феодальнаго строя—и это въ двоякомъ отношеніи: въ отношеніи экономическомъ и въ отношеніи политическомъ.

Въ качествѣ *экономическаго фактора,* городъ подтачивалъ экономическія основы феодальнаго строя. Экономической основой феодализма было *натуральное помѣстное хозяйство.* Каждая хозяйственная единица, помѣстье, представляла собою маленькій болѣе или менѣе замкнутый экономическій мірокъ, который производилъ продукты для собственнаго потребленія. Но такой порядокъ былъ возможенъ лишь въ помѣстномъ хозяйствѣ. Городъ, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, не могъ существовать одними продуктами собственнаго производства: онъ нуждался для пропитанія своего населенія въ продуктахъ помѣстнаго хозяйства. Послѣднему становилось выгоднѣе расширить производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и получать въ обмѣнъ на нихъ продукты ремесленнаго производства или

обрабатывающей промышленности, на которой приходилось спеціализироваться городу. Такъ возникало *мѣновое* или *денежное хозяйство.*

Денежное хозяйство двоякимъ образомъ подрывало хозяйственныя основы феодализма. Съ одной стороны, оно лишало *сеньерію*, помѣстье, эту основную ячейку феодальнаго строя, экономической автономіи, ставя ее въ зависимость отъ города, т. е. фактора не только чуждаго феодальному строю, но и враждебнаго ему. Съ другой стороны, денежное хозяйство разрушало ту систему *натуральныхъ повинностей,* на которой покоился феодальный строй, заставляя ихъ перестраиваться по типу денежнаго хозяйства. Между тѣмъ, разъ переведенная на деньги натуральная повинность со временемъ все болѣе и болѣе утрачивала свою цѣнность, такъ какъ разъ установленный взамѣнъ извѣстной натуральной повинности денежный взносъ оставался навсегда неизмѣннымъ, а между тѣмъ цѣнность денегъ, или ихъ покупательная способность, постепенно падала.

Общая перестройка хозяйственныхъ отношеній по типу денежнаго хозяйства не могла, конечно, не отразиться и на феодальномъ государствѣ. Какъ и любая сеньерія, феодальное королевство жило первоначально натуральнымъ хозяйствомъ. Государственное хозяйство, которое было въ сущности хозяйствомъ сеньера-короля, сводилось къ выполненію государственныхъ повинностей натурой. Главная потребность феодальнаго государства, вооруженная сила, выполнялась въ формѣ феодальнаго ополченія, которое само себя содержало и не стоило королю никакихъ издержекъ. Крѣпости строились барщиннымъ трудомъ. Внутреннее управленіе, включая сюда и правосудіе, ничего не стоило королю, такъ какъ либо лежало на обязанности вассаловъ, либо окупалось самимъ населеніемъ. Между тѣмъ, съ разложеніемъ помѣстнаго хозяйства, организація феодальнаго ополченія начинаетъ расшатываться, и это въ то время, какъ, съ возникновеніемъ крупныхъ феодальныхъ государствъ, войны начинаютъ пріобрѣтать небывалый прежде размахъ. Феодальное же ополченіе, разсчитанное на сравнительно ограниченный театръ военныхъ дѣйствій и на всегда незначительный срокъ (обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ), оказывалось уже совершенно

непригоднымъ для войнъ въ широкомъ масштабѣ. Результатомъ было появленіе наемныхъ армій. А наемная армія, въ свою очередь, являлась новымъ факторомъ разложенія феодальнаго строя, такъ какъ она подрывала значеніе господствующаго феодальнаго класса, и это двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, наличность наемнаго войска обезцѣнивала феодальный классъ, который переставалъ служить исключительнымъ оплотомъ государства противъ внѣшней опасности; во-вторыхъ, она выдвигала на первый планъ *финансовый вопросъ,* а тѣмъ самымъ выдвигала и значеніе созданнаго городомъ новаго класса —*денежной буржуазіи*, которая все болѣе и болѣе начинаетъ заслонять и отодвигать феодальную аристократію, и эта вновь народившаяся денежная знать пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія, конечно—въ ущербъ значенію феодальной знати.

Здѣсь мы видимъ, какимъ образомъ *экономическое* вліяніе города приводитъ также и къ *политическимъ* результатамъ; другими словами: городъ, какъ экономическій факторъ, расшатываетъ феодальный строй не только въ его хозяйственныхъ устояхъ, но также и въ устояхъ политическихъ. Это насъ приводитъ къ другой сторонѣ значенія города, какъ фермента разложенія феодализма, именно—къ его значенію, какъ фактора *политическаго.*

Въ качествѣ политическаго фактора городъ является не только силой *отрицательной,* именно—разлагающей феодализмъ, но также и силой *положительной,* именно созидающей новую *государственность.*

Дѣйствительно, новѣйшая государственность была впервые осуществлена на Западѣ городами. Какимъ образомъ? Двоякимъ: 1) въ формѣ города-республики, потомъ города-монархіи; 2) въ формѣ городской федераціи. Первая изъ этихъ двухъ формъ новаго государства была осуществлена ранѣе всего и въ тоже время всего полнѣе въ Сѣверной Италіи. Начиная съ XI вѣка, болѣе значительные города Ломбардіи одинъ за другимъ свергаютъ феодальное иго своихъ сеньеровъ и образуютъ каждый маленькое государство-республику. Фактически это были независимыя миніатюрныя государства, признававшія надъ собой лишь покровительство императора „Священной Римской Имперіи". Въ этихъ лом-

бардскихъ городахъ-республикахъ верховная власть покоилась уже не на землевладѣніи, и не на вассальной іерархіи, а на народномъ избраніи и признаніи, т. е. на фактѣ чисто государственнаго, а не частно-правового порядка. Положеніе дѣла въ интересующемъ насъ отношеніи не измѣнилось послѣ того, какъ въ XIV—XV вѣкахъ эти маленькіе государства-города одинъ за другимъ перестроились изъ республикъ въ монархіи. Власть этихъ миніатюрныхъ государей не имѣла ничего общаго съ властью феодальныхъ сеньеровъ: это была власть особаго рода, власть чисто *политическая, государственная.* Итальянскихъ principi XIV—XV вѣковъ можно назвать первыми государями въ собственномъ смыслѣ на Западѣ.

Что касается федеративной формы городского государства, то она нашла себѣ осуществленіе прежде всего въ знаменитомъ ганзейскомъ союзѣ (XIII в.), а нѣсколько позднѣе — въ швабскомъ и рейнскомъ союзахъ и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе крупныхъ. Всѣ эти союзы представляли собою федераціи автономныхъ городовъ-республикъ.

Во всякомъ случаѣ, въ формѣ ли отдѣльныхъ городовъ-республикъ или городовъ-княжествъ, въ формѣ ли городскихъ федерацій, города впервые осуществили въ средневѣковой Европѣ *государственность,* въ томъ смыслѣ, какъ она была создана античной и въ частности римской древностью, и въ какомъ она продолжаетъ существовать и по настоящее время.

Вслѣдъ за городами и феодальныя королевства начинаютъ перестраиваться на государственный ладъ. Королевская власть, опираясь между прочимъ на города, постепенно *дефеодализируется,* т. е. все болѣе и болѣе отрѣшается отъ своихъ первоначальныхъ феодально-правовыхъ основъ и все болѣе и болѣе проникается началами государственно-правовыми.

Первые явственные признаки этой метаморфозы мы встрѣчаемъ уже съ конца XII вѣка. Какъ на типичный примѣръ означеннаго явленія, можно указать на французскаго короля Филиппа-Августа (1180—1223). Въ числѣ прочихъ присоединенныхъ имъ къ владѣніямъ французской короны земель было графство Амьенское. Согласно тогдашнему обычаю, король принялъ и титулъ графа Амьенскаго. А такъ какъ графы Амьенскіе состояли вассалами епископовъ Амьенскихъ, то тѣмъ самымъ и король, принимая титулъ графа

Амьенскаго, становился въ положеніе вассала епископа Амьенскаго и, въ силу феодальнаго права, обязанъ былъ дать вассальную присягу епископу, какъ своему сюзерену. И епископъ Амьенскій, дѣйствительно, потребовалъ отъ короля такой присяги. Филиппъ-Августъ отказался, заявивъ, что онъ „никому не обязанъ присягать“. На какомъ основаніи, спрашивается, отказался онъ отъ выполненія одного изъ предписаній феодальнаго права? Отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ только одинъ: на основаніи *права государственнаго,* которое знаетъ лишь государя и подданныхъ и не знаетъ ни сюзереновъ, ни вассаловъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ отживающимъ свой вѣкъ *феодальнымъ правомъ* выростаетъ новое зданіе *права государственнаго,* на которое и опирается отнынѣ королевская власть. *Король-сеньеръ* превращается въ *короля-государя.*

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой лишь одно изъ наиболѣе раннихъ проявленій той *дефеодализаціи* королевской власти во Франціи и вообще на Западѣ, которая потребовала цѣлыхъ столѣтій для своего завершенія. Важную роль въ этомъ процессѣ сыграли римскія государственно-правовыя идеи, обновленныя сначала болонскими правовѣдами, знатоками римскаго права, а затѣмъ ихъ учениками—французскими легистами, испанскими летрадами, нѣмецкими „докторами права“ и т. д.

VI.

Такъ постепенно воздвигалось на развалинахъ феодализма новое зданіе *государственности.* Но на первыхъ порахъ государственность эта была совершенно лишена *національнаго характера*, такъ какъ и самыя-то націи, какъ культурно-общественныя величины, находились лишь въ зачаточномъ состояніи. Напримѣръ, въ царствованіе только что упомянутаго Филиппа-Августа не существовало даже общаго наименованія для всѣхъ тѣхъ территорій, которыя составляютъ нынѣшнюю Францію, равно какъ не существовало общаго названія для всѣхъ тѣхъ племенныхъ группъ, изъ которыхъ сложилась впослѣдствіи французская нація. Слово Франція означало лишь родовую вотчину Капетинговъ (Иль-

де-Франсъ), и французами назывались только уроженцы этой области. Остальные были нормандцы, шампанцы, пуатевинцы, бургундцы, провонсальцы и т. д.

У этихъ разноплеменныхъ предковъ нынѣшнихъ французовъ не было даже общаго языка; „французскимъ языкомъ“ называлось лишь то нарѣчіе, на которомъ говорили обитатели Парижа и его области; каждая область имѣла свое нарѣчіе, носившее свое мѣстное названіе. Писатель времени Филиппа-Августа, Эмонъ-де-Вареннь, уроженецъ Ліона, заявляетъ о своемъ рѣшеніи отказаться писать на своемъ родномъ нарѣчіи, „которое дико для французскаго уха“; онъ намѣренъ отнынѣ попытаться писать „по-французски, настолько хорошо, насколько окажется въ силахъ“.

Въ Англіи, рядомъ съ мѣстными англо-саксонскими нарѣчіями, со времени норманскаго завоеванія во второй половинѣ XI вѣка появляется, вмѣстѣ съ завоевателями франко-нормандцами, франко-нормандскій языкъ, который въ теченіе трехъ столѣтій сохранялъ значеніе оффиціальнаго правительственнаго и судебнаго языка, языка придворнаго и свѣтскаго. Туземныя англо-саксонскія нарѣчія играли исключительно роль простонародныхъ говоровъ, и даже литературныя произведенія писались на французскомъ (нормандскомъ) языкѣ. Такъ, еще при Эдуардѣ III, въ началѣ столѣтней войны, однимъ англійскимъ поэтомъ была написана патріотическая поэма на французскомъ языкѣ.

Это, однако, не помѣшало Англіи опередить континентальныя страны въ дѣлѣ выработки своей національности и завершенія своего національно-государственнаго объединенія. Этимъ Англія была въ значительной степени обязана своему островному положенію, рѣзко отграничивавшему ее отъ континентальныхъ націй и сосредоточивавшему національную жизнь на ограниченной территоріи. Благодаря этому, уже къ половинѣ XIV вѣка изъ взаимодѣйствія англо-саксонскихъ нарѣчій и франко-нормандскаго успѣлъ настолько выработаться новый языкъ, получившій названіе *англійскаго*, что король Эдуардъ III нашелъ возможнымъ ввести его въ качествѣ оффиціальнаго языка суда и администраціи. Но любопытно, что самый королевскій указъ 1362 г., которымъ предписывалось введеніе англійскаго языка, вмѣсто французскаго,

въ судъ, былъ написанъ по-французски. На современниковъ произвело впечатлѣніе большого новшества, когда въ слѣдующемъ году государственный канцлеръ, при открытіи парламента, произнесъ отъ имени короля рѣчь на англійскомъ языкѣ. Правда, и послѣ этого еще долго французскій языкъ продолжалъ господствовать при дворѣ и въ высшемъ обществѣ и не сразу утратилъ свое значеніе, какъ языкъ литературы. Во всякомъ случаѣ, возведеніе англійскаго языка на степень языка *государственнаго* дало сильный толчекъ къ его дальнѣйшему развитію и къ завоеванію имъ правъ языка литературнаго и *національнаго* въ полномъ смыслѣ этого слова. Къ этому времени относится и появленіе перваго крупнаго литературнаго произведенія на англійскомъ языкѣ: это— знаменитые *Кентерберійскіе разсказы* Чосера. Съ этого писателя и начинается собственно исторія національной англійской литературы. Съ этого же времени и вся общественно-политическая жизнь Англіи получаетъ тотъ опредѣленный національный отпечатокъ, которымъ она отличается и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи. Дѣйствительно, эпоха, отмѣченная выступленіемъ первыхъ *національныхъ писателей* въ Англіи, выдвинула на сцену и первыхъ *національныхъ дѣятелей*. Первое мѣсто въ ряду этихъ дѣятелей принадлежитъ, безспорно, самому королю Эдуарду III, который заслуживаетъ наименованія перваго національнаго государя Англіи. Національнализмъ его проявился, во-первыхъ, уже въ отмѣченномъ мною введеніи національнаго англійскаго языка, какъ языка государственнаго. Затѣмъ, національное настроеніе короля нашло себѣ выраженіе въ его энергичномъ выступленіи, совмѣстно съ своимъ парламентомъ, противъ притязаній папской куріи. Папа, основываясь на томъ, что предокъ Эдуарда III, злополучный король Іоаннъ Безземельный, призналъ себя вассаломъ св. престола и въ качествѣ таковаго обязался платить ежегодную дань намѣстнику св. Петра, потребовалъ отъ Эдуарда III уплаты этой дани, между прочимъ и за цѣлый рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ эта уплата не производилась. Эдуардъ отвѣтилъ отказомъ и встрѣтилъ себѣ энергичную поддаржку со стороны парламента, который призналъ обязательство, данное Іоанномъ Безземельнымъ, не дѣйствительнымъ, такъ какъ англійская нація свободна, и ея государь не

можетъ быть данникомъ иноземной власти. Въ заключенie парламентъ, въ полномъ согласiи съ королемъ, издалъ законъ, которымъ церковная власть папы въ Англiи вводилась въ очень тѣсныя границы, и такимъ образомъ полагалось начало *автономной нацiональной церкви* въ Англiи. Видную роль въ этой нацiональной борьбѣ игралъ Виклефъ, въ качествѣ ученаго богослова, политическаго писателя, наконецъ – въ качествѣ члена парламента.

Въ лицѣ Эдуарда III и его сотрудниковъ *государственность въ Англiи вступаетъ въ союзъ съ нацiональностью.* Въ Англiи этой эпохи мы встрѣчаемся впервые въ исторiи Запада съ *нацiональнымъ государствомъ.*

Во Францiи нацiональность слагалась нѣсколько медленнѣе, благодаря больше территорiальной разбросанности племенныхъ элементовъ и болѣе глубокой политической разобщенности ихъ. Вотъ почему Францiя значительно отстала отъ Англiи въ дѣлѣ нацiонально-политическаго объединенiя и даже не смогла опередить Англiю въ дѣлѣ выработки нацiональнаго языка, несмотря на туземное, нацiональное происхожденie своихъ правящихъ классовъ, въ противоположность Англiи, пережившей иноземное завоеванie. Французскiй языкъ, дѣйствительно, выработался приблизительно одновременно съ англiйскимъ. Благодаря своему значенiю, какъ языка королевскаго двора, правительства, администрацiи и суда, *мѣстный* языкъ Парижа и Иль-де-Франса, вскорѣ завоевалъ себѣ привилегированное положенie въ странѣ. Малопомалу онъ прiобрѣлъ значенie языка образованнаго общества всего королевства и общелитературнаго языка всей страны. Окончательному торжеству этого языка надъ прочими провинцiальными говорами, въ особенности надъ болѣе отъ него отличными южными, въ значительной мѣрѣ способствовалъ окончательный разгромъ юга въ эпоху альбигойскихъ войнъ (нач. XIII в.). Въ слѣдующемъ XIV столѣтiи, побѣда парижскаго языка, какъ языка литературы, надъ областными нарѣчiями—уже совершившiйся фактъ. Литература областныхъ нарѣчiй мало-помалу исчезаетъ, уступая мѣсто литературѣ общефранцузской. Съ возникновенiемъ языка литературы, процессъ выработки единой *нацiи* изъ разноязычныхъ, хотя и родственныхъ племенъ на территорiи теперешней Францiи

принялъ ускоренный темпъ, чему способствовали еще цѣлый рядъ крупныхъ событій политическаго порядка, благодаря которымъ не только завершилась выработка французской націи, но и началось то тѣсное *взаимодѣйствіе между національностью и государственностью*, результатомъ котораго было превращеніе Франціи изъ разноплеменнаго конгломерата нѣсколькихъ феодально-политическихъ тѣлъ въ одинъ *національно-государственный организмъ*

Первымъ по времени изъ этихъ событій была борьба французскаго короля Филиппа Красиваго (1285 1314) съ папской куріей въ лицѣ Бонифаціи VIII. Борьба возникла, какъ извѣстно, изъ-за того, что Бонифацій VIII хотѣлъ въ полной мѣрѣ осуществить традиціонныя притязанія папъ на полное подчиненіе себѣ французскаго духовенства не только въ церковныхъ, но также и въ мірскихъ дѣлахъ. На этотъ разъ папскимъ притязаніямъ пришлось натолкнуться на рѣшительное противодѣйствіе какъ со стороны укрѣпившейся королевской власти, такъ и со стороны самой французской націи, которая впервые и выступаетъ въ этомъ спорѣ въ качествѣ политической силы, именно -въ формѣ созванныхъ впервые Филиппомъ Красивымъ генеральныхъ штатовъ. Генеральные штаты, т. е. представители сословій королевства, рѣшительнымъ образомъ становятся на сторону своего государя. Это былъ, можно сказать, первый громкій *протестъ пробуждающагооси націонализма противъ олицетворяемаго папствомъ средневѣковаго космополитизма*. На эту борьбу противъ папства со стороны французскаго короля, поддерживаемаго національнымъ представительствомъ, можно также смотрѣть, какъ на первую яркую манифестацію нарождающагося *національнаго государства* во Франціи.

Дальнѣйшій толчекъ къ развитію національнаго начала во Франціи и къ его сліянію съ началомъ государственнымъ былъ данъ столѣтней войной между Франціей и Англіей (1346-1456). Эта продолжительная война, возникшая первоначально на почвѣ династическихъ споровъ между двумя претендентами на французскій престолъ, мало-помалу разгорѣлась въ настоящую *національную борьбу*—по крайней мѣрѣ для Франціи, на территоріи которой она разыгрывалась. Эта вѣковая борьба съ внѣшнимъ врагомъ на родной почвѣ, естественно,

заставила тѣснѣе сплотиться французовъ разныхъ областей какъ между собой, такъ и со своими государемъ, являвшимся живымъ олицетвореніемъ отечества и націи. Патріотизмъ, монархизмъ и націонализмъ слились тогда въ одно нераздѣльное настроеніе, которое свое наиболѣе яркое выраженіе получило въ дивномъ образѣ Орлеанской Дѣвы. Жанну д'Аркъ можно назвать первой французской націоналисткой-патріоткой.

Таковъ былъ *моральный результатъ* столѣтней войны для Франціи. Не менѣе важенъ былъ въ интересующемъ насъ отношеніи также и ея *матеріальный результатъ*: присоединеніе къ французской коронѣ тѣхъ французскихъ областей, которыя находились до тѣхъ поръ во владѣніяхъ англійскаго короля. Этимъ былъ сдѣланъ огромный шагъ къ окончательному объединенію французской націи въ одно политическое цѣлое. Для завершенія этого объединенія недоставало еще герцогства Бургонскаго, составлявшаго особое политичесное тѣло, да нѣсколькихъ незначительныхъ французскихъ областей на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ. Этотъ пробѣлъ былъ восполненъ Людовикомъ XI (1461—1483), послѣ чего многовѣковой процессъ политическаго и національнаго объединенія Франціи въ одно національно-государственное тѣло получилъ свое окончательное завершеніе.

Аналогическое движеніе къ національному сплоченію и выработкѣ національной государственности мы находимъ въ Испаніи, гдѣ во второй половинѣ XV вѣка происходитъ сначала соединеніе двухъ наиболѣе крупныхъ политическихъ тѣлъ, Кастиліи и Аррагона, въ лицѣ короля Фердинанда Католика (1474—1516), послѣ чего это новое національное государство раздвигаетъ свои границы до береговъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, разрушивши Гренадскій халифатъ, и тѣмъ завершаетъ въ главныхъ чертахъ національно-политическое объединеніе Испаніи.

Что касается Германіи, то тамъ мы точно также встрѣчаемся около того же времени, т. е. во второй половинѣ XV вѣка, съ явственными симптомами пробужденія національнаго самосознанія и даже съ попытками, хотя, правда, и не увѣнчавшимися успѣхомъ, дать „германской націи“ болѣе реальное государственное единство, чѣмъ та великолѣпная фикція,

какой являлась пышная по своимъ титуламъ и внѣшнимъ аттрибутамъ, но ничтожная по своему реальному значенію „Священная Римская Имперія германской націи“. Попытка, о которой я говорю, связана была съ такъ называемой реформой имперіи, осуществленной однако лишь на бумагѣ Вормсскимъ сеймомъ 1495 года. Что касается другихъ симптомовъ національнаго пробужденія Германіи, то наиболѣе важнымъ изъ нихъ является германскій *гуманизмъ*.

VII.

Здѣсь мы подходимъ къ другому явленію, которое, наряду съ національнымъ государствомъ, является важнымъ факторомъ развитія національзма на Западѣ.

Принципіально гуманизмъ ненаціоналенъ, космополитиченъ, какъ и его противники, представители средневѣковой схоластической учености. Многіе изъ гуманистовъ, дѣйствительно, представляютъ, по своему идейному настроенію, чисто космополитическія фигуры; таковы большинство итальянскихъ гуманистовъ, таковы и нѣкоторые изъ германскихъ гуманистовъ, какъ Эразмъ Роттердамскій или Себастіанъ Брантъ. Но *практически* многіе гуманисты были частью сознательными, частью безсознательными націоналистами и патріотами. Изъ итальянскихъ гуманистовъ къ числу безсознательныхъ націоналистовъ слѣдуетъ отнести, напримѣръ, Боккачіо, который, при всемъ своемъ равнодушіи къ національному вопросу, являлся однимъ изъ творцовъ національнаго итальянскаго языка, а слѣдовательно содѣйствовалъ какъ выработкѣ самой націи, такъ и ея самосознанія. Зато *сознательнымъ* націоналистомъ слѣдуетъ признать родоначальника итальянскихъ гуманистовъ, Петрарку, который считаетъ себя въ правѣ такъ же благодарить Бога за то, что онъ далъ ему родиться итальянцемъ, какъ древне-греческій философъ Платонъ благодарилъ боговъ за то, что они судили ему родиться грекомъ. Правда, у Петрарки этотъ націонализмъ лишенъ какого-либо политическаго оттѣнка. Но за-то послѣдній выступаетъ на первый планъ у одного изъ позднѣйшихъ итальянскихъ гуманистовъ, Макіавелли, который не только гордится своимъ

итальянскимъ происхожденіемъ, какъ впрочемъ и всѣ его соотечественники, считавшіе прочіе народы „варварами“, но и мечтаетъ о политическомъ объединеніи Италіи, т. е. о томъ, чему суждено было сдѣлаться совершившимся фактомъ лишь тремя столѣтіями позднѣе, на памяти нашего поколѣнія.

Что касается германскихъ гуманистовъ, то большинство ихъ были проникнуты національно-патріотическимъ настроеніемъ. Изъ гуманистовъ старшаго поколѣнія наиболѣе яркимъ представителемъ этого національно-патріотическаго настроенія является Вимфелингъ. Его можно назвать родоначальникомъ нѣмецкой національной историографіи, такъ какъ онъ первый написалъ сравнительно полную исторію Германіи. Ему же принадлежитъ обширная записка, наполовину историческаго, наполовину публицистическаго характера, подъ заглавіемъ „Жалобы нѣмецкой націи противъ римской куріи“. Въ этихъ жалобахъ Вимфелингъ разоблачаетъ ту эксплуатацію, которой издавна подвергалась нѣмецкая нація со стороны папской куріи, и тѣ несправедливости, которыя приходилось и приходится испытывать съ ея стороны нѣмцамъ. Напримѣръ, „когда ученый нѣмецъ, посвятившій себя съ юныхъ лѣтъ наукѣ и съ великими трудами и лишеніями добившійся степени доктора богословіи или права, является въ Римѣ за полученіемъ церковной или учебной должности, то обыкновенно не можетъ ея добиться, даже если она уже была ему обѣщана“. Изъ позднѣйшихъ гуманистовъ наиболѣе яркимъ выразителемъ того же національно-патріотическаго настроенія является Гуттенъ. Онъ оплакиваетъ слабость Германіи, которой не достаетъ государственнаго единства, и бичуетъ папскій Римъ, который пользуется этой слабостью для того, чтобы эксплоатировить его родину. „Когда же, наконецъ, настанетъ время, что у Германіи откроются глаза, и она пойметъ, что стала добычею Рима?!“ —восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній.

Но даже и оставляя въ сторонѣ практически націоналистическое и патріотическое настроеніе отдѣльныхъ гуманистовъ, гуманизмъ вообще представляетъ собой важный моментъ въ дѣлѣ развитія національнаго самосознанія у западныхъ народовъ.

Это потому, во-первыхъ, что гуманизмъ является яркимъ проявленіемъ *индивидуализма*, и уже въ силу этого онъ носилъ въ себѣ зачатки націонализма, который вѣдь то же есть своего рода индивидуализмъ, только индивидуализмъ коллективный. Націонализмъ можно назвать *національнымъ индивидуализмомъ*. Но развитая національная индивидуальность предполагаетъ уже извѣстную степень развитія индивидуализма личнаго. Значеніе гуманизма въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что онъ, культивируя личный индивидуализмъ, тѣмъ самымъ подготовилъ необходимую психологическую предпосылку для индувидуализма національнаго, т. е. для націонализма.

Во-вторыхъ, гуманизмъ, со своимъ жизнерадостнымъ отношеніемъ къ жизни, въ противоположность скорбному воззрѣнію на нее средневѣковаго аскетизма, какъ на юдоль грѣха и страданій, не заслуживающую серьезнаго интереса къ себѣ, какъ разъ былъ одушевленъ самымъ живымъ интересомъ къ жизни людей и человѣческихъ обществъ. Онъ далъ могучій толчекъ развитію интереса къ общественной жизни и общественнымъ вопросамъ и того „духа общественности“ и общественной солидарности, безъ котораго точно такъ же немыслимъ націонализмъ, какъ и безъ индивидуализма. Вѣдь, если, съ одной стороны, націонализмъ есть проявленіе личнаго начала, то, съ другой стороны—онъ въ неменьшей степени есть проявленіе начала общественности, общественной солидарности. Чтобы быть націоналистомъ, недостаточно лишь чувствовать и сознавать свою національную индивидуальность и противополагать ее другимъ такимъ же національнымъ индивидуальностямъ, а необходимо еще и даже прежде всего—глубоко чувствовать и отчетливо сознавать свою связь и свою *солидарность* съ тѣмъ великимъ людскимъ коллективомъ, который составляетъ родную націю. Можно сказать, что націонализмъ предполагаетъ *личный индивидуализмъ*, какъ свою *психологическую предпосылку*, и *общественный духъ*, какъ свою предпосылку *соціологическую*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ гуманизмъ сыгралъ немаловажную роль.

Наконецъ, въ-третьихъ, значеніе гуманизма въ дѣлѣ развитія національнаго начала заключается въ томъ, что онъ далъ сильный толчекъ начавшемуся задолго передъ тѣмъ процессу

національной духовной культуры на Западѣ. Средневѣковая культура, какъ уже было замѣчено, отличалась безнаціональнымъ, космополитическимъ характеромъ, благодаря, съ одной стороны доминирующему вліянію католицизма съ его космополитическими тенденціями, съ другой—благодаря господству латыни, какъ языка литературы и науки. Гуманизмъ, какъ извѣстно, нанесъ сильный ударъ господству католицизма, какъ культурной силы, а также положилъ конецъ исключительному господству латыни. Онъ положилъ начало независимой отъ церкви чисто свѣтской культурѣ, которая получила національный характеръ, главнымъ образомъ благодаря тому, что многіе гуманисты стали писать на родномъ языкѣ и тѣмъ положили начало или по крайней мѣрѣ дали толчекъ развитію національныхъ языковъ и національныхъ литературъ.

VIII.

На ряду съ гуманизмомъ и отчасти одновременно съ нимъ, *реформаціонное движеніе* сыграло не менѣе важную роль въ дѣлѣ развитія національнаго самосознанія на Западѣ. Одинъ изъ первыхъ по времени церковныхъ реформаторовъ, Виклефъ (XIV в.). является въ то же времяи однимъ изъ первыхъ національныхъ дѣятелей Англіи. Въ его дѣятельности дѣло церковной реформы, правда, не получившее широкаго развитія, какъ впослѣдствіи, въ XVI вѣкѣ, тѣсно сплетается съ *національнымъ дѣломъ*, съ дѣломъ національной эмансипаціи Англіи и англійской церкви отъ подчиненія папскому Риму.

Еще болѣе ярко выступаетъ національный характеръ развивающагося реформаціоннаго движенія –въ лицѣ Гуса (XV в.), а вызванное его реформаторской дѣятельностью и его трагическою смертью народное движеніе въ Чехіи носило характеръ не только религіознаго, но и національнаго движенія. Это было *первое крупное національное движеніе въ Западной Европѣ.*

Менѣе ярко, но вполнѣ явственно выступаетъ національный характеръ и у великаго нѣмецкаго реформатора XVI вѣка. Лично Лютеръ въ полной мѣрѣ раздѣлялъ національно-пат-

ріотическое настроеніе своихъ предшественниковъ, нѣмецкихъ гуманистовъ, а своимъ переводомъ Библіи на нѣмецкій языкъ сдѣлалъ большое національное дѣло, такъ какъ сильно подвинулъ этимъ впередъ дѣло выработки общенѣмецкаго литературнаго языка. И противъ папскаго Рима Лютеръ выступалъ не только въ качествѣ религіознаго реформата, удрученнаго церковными злоупотребленіями, но также и въ качествѣ нѣмецкаго патріота, возмущеннаго вопіющей эксплуатаціей своей родины со стороны иноземной силы, какою являлась папская курія. Церковная реформація, связанная съ именемъ Лютера, была, дѣйствительно, не только движеніемъ церковно-религіознымъ, но также въ значительной мѣрѣ и *движеніемъ національнымъ*. Какъ въ самой Германіи, такъ и за ея предѣлами, лютеранская реформація имѣла характеръ не только религіознаго, но также и національнаго протеста противъ иноземной власти, папскаго Рима, и освобождая церковную жизнь изъ-подъ ферулы космополитическаго папизма, реформація всюду полагала начало *національнымъ протестантскимъ церквамъ*, а косвеннымъ образомъ она содѣйствовала и дала толчекъ національизаціи и оставшихся вѣрными Риму мѣстныхъ католическихъ церквей.

Такимъ образомъ, въ культурно-общественную жизнь Западной Европы была влита новая и живая струя націонализма. Въ частности, что касается Англіи, то созданная здѣсь реформаціей англиканская или „высокая" церковь получила одновременно и національный и въ то же время ярко государственный характеръ; ее можно поэтому назвать *національно-государственною церковью*. И если въ данномъ случаѣ королю Генриху VIII (1509—1547) удалось осуществить свои личные виды, то это опять-таки только потому, что эти виды совпадали съ настроеніемъ и стремленіями англійской націи. Въ данномъ случаѣ король игралъ лишь роль выразителя національныхъ стремленій страны.

Реформація дала толчекъ развитію націонализма еще и тѣмъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ усугубила и подчеркнула національныя различія вѣроисповѣднымъ антагонизмомъ.

Такъ, въ Нидерландахъ успѣхи протестантизма—съ одной стороны, и попытки испанскаго правительства парализовать ихъ—съ другой, имѣли своимъ слѣдствіемъ настолько силь-

ное обостреніе національно-политическаго антагонизма между протестантскими Нидерландами и католической Испаніей, что вызвали вооруженное возстаніе первыхъ противъ послѣдней, какъ иновѣрной и иноземной власти. Нидерландское возстаніе было движеніемъ не только и даже, можно сказать, не столько религіознымъ, сколько движеніемъ національнымъ, и результатомъ этого движенія было образованіе новаго протестантскаго, а вмѣстѣ и чисто національнаго государства.

IX.

Не менѣе важнымъ моментомъ, на ряду съ гуманизмомъ и реформаціей, въ процессѣ прогрессивной національзаціи не только европейской, но и вообще человѣческой культуры, является *изобрѣтеніе книгопечатанія* въ половинѣ XV вѣка. Рукописная книга, уже вслѣдствіе своей сравнительной дороговизны, была роскошью, доступной лишь немногимъ. Болѣе крупныя сочиненія хранились въ немногочисленныхъ библіотекахъ, прикованныя цѣпями къ стѣнѣ или столу. И не диво, если принять во вниманіе, что, напримѣръ, рукопись сочиненій Тита Ливія стоила нѣсколько тысячъ рублей на наши деньги, а теперь въ изданіи Тейбнера полное собраніе сочиненій Тита Ливія можно получить за какихъ-нибудь 3 руб. Если латынь сдѣлалась исключительнымъ языкомъ письменности въ среднихъ вѣкахъ, то, кромѣ вліянія католической церкви, для которой латинскій языкъ было языкомъ богослуженія и богословія, въ данномъ случаѣ рѣшающую роль играла и крайняя ограниченность того круга, которому были доступны книги. Но какъ только, благодаря изобрѣтенію книгопечатанія, дорогая рукопись замѣнилась во много разъ болѣе дешевою книгою, такъ послѣдняя сразу вышла изъ тѣсныхъ монастырскихъ келій и рыцарскихъ замковъ на широкій всенародный просторъ; она сдѣлалась доступной широкимъ народнымъ слоямъ, которыя ранѣе были совершенно устранены отъ знакомства съ литературой. А такъ какъ латынь была неизвѣстна этимъ широкимъ слоямъ, то пришлось писать книги на народныхъ, національныхъ языкахъ. Такъ было положено начало *національнымъ литературамъ*, а вмѣстѣ съ

тѣмъ и вся духовная культура стала постепенно утрачивать свой космополитическій характеръ и пріобрѣтать характеръ національный. Книгопечатаніе сдѣлалось могучимъ орудіемъ національзаціи литературы въ рукахъ гуманистовъ и реформаторовъ; но вліяніе книгопечатанія, какъ фактора національзаціи человѣческой культуры, продолжалось и послѣ нихъ; оно продолжается на нашихъ глазахъ и будетъ продолжаться, конечно, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать культурное человѣчество.

Какъ бы то ни было, благодаря книгопечатанію, возвращеніе къ культурному космополитизму среднихъ вѣковъ сдѣлалось болѣе невозможнымъ, и съ тѣхъ поръ быстрыми шагами идетъ впередъ развитіе *національныхъ литературъ*.

X.

Нельзя, однако, сказать, чтобы ростъ національзма, усилившійся подъ вліяніемъ гуманизма и реформаціи, въ связи съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, продолжался съ тѣхъ поръ тѣмъ же темпомъ вплоть до нашихъ дней. Напротивъ, временное оживленіе въ данномъ отношеніи вскорѣ смѣняется *анти-національной реакціей*, которая продолжается около двухъ столѣтій, вплоть до великой революціи.

Причины этой продолжительной антинаціональной реакціи были двухъ различныхъ порядковъ. Однѣ изъ нихъ связаны были съ *реформаціоннымъ движеніемъ*, другія—съ *эволюціей государственности*.

Реформація, какъ мы видѣли, внесла новую струю въ развитіе національнаго начала; но она же затѣмъ нанесла тяжелый ударъ этому развитію—и это двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, выдвинувши на первый планъ интересы религіозные, вѣроисповѣдные, реформація тѣмъ самымъ отодвинула на второй планъ и заслонила интересы національные. Во-вторыхъ, она разрушила религіозное единство отдѣльныхъ націй, расколола ихъ на два враждебные лагеря; она отравила національные организмы ядомъ жестокаго внутренняго раздора. И дѣйствіе этого яда было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе были въ ту пору религіозные интересы. Такъ какъ,

подъ вліяніемъ реформаціи, религіозные интересы заслонили собою всѣ другіе, то люди одной національности, но разныхъ исповѣданій, становились болѣе чужды и враждебны другъ другу, чѣмъ люди разныхъ національностей, но одной вѣры. Національная солидарность приносилась въ жертву солидарности религіозной, а религіозный антагонизмъ бралъ верхъ надъ національными противоположностями. Наступила эпоха продолжительныхъ и братоубійственныхъ религіозныхъ войнъ, въ которыхъ французы-гугеноты въ союзѣ съ англичанами сражались противъ французовъ-католиковъ; нѣмецкіе протестанты сражались на сторонѣ шведовъ противъ своихъ соотечественниковъ-католиковъ. Легко понять, насколько гибельно было подобное положеніе вещей для не успѣвшаго еще окрѣпнуть національнаго сознанія. Это затемнѣніе національнаго сознанія не могло, естественно, не отразиться и на государственности, которая слагалась въ союзѣ съ національностью, съ одной стороны черпая силы въ послѣдней, съ другой и сама служа ей поддержкой и опорой. Подъ вліяніемъ раздѣлившихъ европейскія націи религіозныхъ противоположностей, государство, можно сказать, утратило свой національный разумъ. Критеріемъ и внутренней и внѣшней политики служили не интересы націи, а интересы того или другого вѣроисповѣданія. Во внѣшней политикѣ католическіе государи заключали союзы съ другими католическими государями, протестантскіе съ протестантскими, совершенно не считаясь съ національно-государственными интересами.

Правда, въ области международной политики такой порядокъ держался сравнительно недолго. Стоитъ лишь припомнить, что уже во второй половинѣ тридцатилѣтней войны (1619- 1648 гг.), слѣдовательно уже въ первой половинѣ XVII вѣка, руководитель французской политики, кардиналъ Ришелье, несмотря даже на свой высокій духовный санъ въ католической церкви, оказывалъ сначала дипломатическую, а затѣмъ и вооруженную поддержку нѣмецкимъ протестантскимъ князьямъ противъ нѣмецкихъ же католическихъ князей съ императоромъ во главѣ. Это значитъ, что ко времени Ришелье религіозный антагонизмъ успѣлъ уже значительно ослабѣть, и чисто государственные интересы начинали заслонять господствовавшіе до тѣхъ поръ интересы вѣроиспо-

вѣдные. Того же государственно-національнаго принципа придерживался Ришелье и въ своей внутренней политикѣ, назначая на государственныя должности безразлично и католиковъ и протестантовъ, и заявляя, что для него важно имѣть француза, а не католика. Однако, въ данномъ отношеніи Ришелье представляетъ собою явленіе скорѣе исключительное, чѣмъ типическое. Онъ значительно опередилъ свое время, и какъ только онъ сошелъ со сцены, такъ вскорѣ же внутренняя политика Франціи снова возвратилась въ прорытое реформаціей русло религіозной нетерпимости и исключительности. Стóитъ лишь припомнить тѣ систематическія гоненія, которымъ подверглись протестанты при Людовикѣ XIV и даже позднѣе.

XI.

Вотъ что можно сказать въ немногихъ словахъ объ отрицательномъ вліяніи *реформаціи* на развитіе національизма на Западѣ. Подобное же вліяніе имѣло и то направленіе, которое приняло въ XVII—XVIII вѣкахъ развитіе *государственности,* именно—развитіе въ сторону абсолютизма и бюрократіи. Тѣ національно-представительныя учрежденія, которыя, какъ, напримѣръ, генеральные штаты во Франціи, играли роль постояннаго органа взаимодѣйствія между націей и короной, въ XVII XVIII вѣкахъ приходятъ почти всюду въ упадокъ, либо и вовсе прекращаютъ свое существованіе, какъ это случилось, напримѣръ, съ генеральными штатами во Франціи въ началѣ XVII вѣка. Прекращеніе активнаго сотрудничества націи во внутренней и внѣшней жизни государства имѣло своимъ слѣдствіемъ *денаціонализацію государственности.* Государство продолжало, конечно, оставаться національнымъ въ *матеріальномъ* смыслѣ, именно—по преобладающему этнографическому составу населенія, но оно перестало быть таковымъ въ *моральномъ* смыслѣ, оно духовно *денаціонализировалось.* И внутренняя и внѣшняя политика этого періода отмѣчены безразличнымъ и равнодушнымъ отношеніемъ къ національнымъ интересамъ. Оторванные отъ своихъ націй, отъ постояннаго соприкосновенія и сотрудничества со сво-

ими націями, отдѣленные отъ нихъ вновь выросшей стѣной въ видѣ чиновничьей бюрократіи, государи мало-помалу утратили былую національную чуткость и пониманіе національныхъ интересовъ. Послѣдніе все болѣе и болѣе вытѣсняются личными или династическими интересами самихъ государей. Дипломатія и войны XVII—XVIII вѣковъ, дѣйствительно, отмѣчены болѣе или менѣе ясно выраженнымъ династическимъ характеромъ. Однимъ изъ типичныхъ и яркихъ примѣровъ въ этомъ случаѣ можетъ служить война за испанское наслѣдство. Какъ извѣстно, Людовикъ XIV втянулъ Францію въ эту гибельную для нея и совершенно для нея ненужную войну единственно ради того, чтобы посадить на испанскій престолъ своего родственника (внука, Филиппа V). Подобнымъ же образомъ, двадцать лѣтъ спустя, преемникъ его, Людовикъ XV, бросилъ свою страну въ новую войну, опять-таки не только ненужную, но и вредную съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ Франціи, ради того, чтобы посадить на польскій престолъ брата своей жены, Станислава Лещинскаго.

XII.

Эта *духовная денаціонализація государственности*, являвшаяся однимъ изъ косвенныхъ послѣдствій религіозной реформаціи XVI вѣка, позднѣе, именно въ XVIII вѣкѣ, нашла для себя благопріятную почву въ *идейномъ настроеніи* эпохи. Восемнадцатый вѣкъ, „вѣкъ просвѣщенія", былъ въ то же время и *вѣкомъ космополитизма*. Космополитическій характеръ господствующаго міросозерцанія вытекалъ, съ одной стороны—изъ чисто *отвлеченнаго*, а потому и *всеобъемлющаго, универсальнаго* характера господствующихъ идей. Предметомъ „просвѣщенной философіи" является *человѣкъ вообще*, люди вообще, независимо отъ ихъ принадлежности къ тѣмъ или другимъ конкретно-историческимъ группамъ. Говоря иначе, „просвѣщенная философія" интересуется лишь *человѣчествомъ* и совершенно не интересуется *народами, націями*. Она ищетъ истинъ и нормъ, пригодныхъ для всѣхъ людей, для всего человѣчества, -на меньшемъ она не же-

лаетъ мириться. Гордость „просвѣщеннаго человѣка"—быть „гражданиномъ вселенной". Это одна сторона дѣла. Съ другой стороны, космополитизмъ XVIII вѣка вытекалъ изъ его *гуманитарнаго* или, какъ тогда любили выражаться, *филантропическаго* настроенія. Его девизъ—человѣколюбіе, т. е. любовь опять-таки не къ тѣмъ или другимъ живымъ, конкретнымъ людямъ, или человѣческимъ группамъ, а къ человѣку вообще, ко всѣмъ людямъ. „Просвѣщенный человѣкъ" хочетъ быть непремѣнно „другомъ вселенной": опять-таки на меньшее онъ не согласенъ. Національное самосознаніе, національная гордость совершенно чужды корифеямъ французской литературы „просвѣщенія". Каждый изъ нихъ хотѣлъ бы быть гражданиномъ вселенной или по меньшей мѣрѣ—англичаниномъ, такъ какъ Англія въ глазахъ „просвѣщеннаго" француза XVIII вѣка была идеаломъ политическимъ и культурнымъ. Предки нынѣшнихъ нѣмецкихъ націоналистовъ ничуть не отставали отъ своихъ французскихъ современниковъ въ равнодушіи къ національности и щеголяньи своимъ „вельтбюргерствомъ". Знаменитый философъ Кантъ написалъ даже сочиненіе подъ заглавіемъ „Идеи о всемірной исторіи съ космополитической точки зрѣнія". Поэтъ Шиллеръ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ оставить всякія мысли о національномъ единствѣ, а довольствоваться просто званіемъ *людей*. Философъ Фихте задавался вопросомъ: что долженъ считать своимъ отечествомъ просвѣщенный европеецъ, и отвѣчалъ: Европу, а затѣмъ ближайшимъ образомъ наиболѣе просвѣщенную страну Европы. А такъ какъ въ ту пору Германія не могла претендовать на титулъ самой просвѣщенной страны, то просвѣщеннымъ нѣмцамъ предоставлялось считать своимъ отечествомъ, смотря по вкусамъ, Францію или Англію, эти двѣ самыя просвѣщенныя страны того времени...

XIII.

Космополитическія грезы просвѣщенныхъ друзей вселенной и всемірныхъ гражданъ были грубо прерваны разразившейся на родинѣ „просвѣщенной философіи" революціонной грозой, громовые раскаты которой гулко прокатились по всей Европѣ.

Великая революція, дѣйствительно, отмѣчаетъ собою конецъ вѣка космополитизма и начало того вѣка національизма, въ апогей котораго вступила Западная Европа на глазахъ нашего поколѣнія.

Хотя идейно великая революція была связана тѣсно съ космополитическимъ „просвѣщеніемъ" XVIII вѣка, и ей были не чужды космополитическія тенденціи—дѣло шло вѣдь объ освобожденіи всего человѣческаго рода, ни болѣе, ни менѣе,—тѣмъ не менѣе ей пришлось сыграть роль сначала безсознательнаго, а затѣмъ отчасти и сознательнаго фактора возрожденія національизма въ Западной Европѣ.

Начать съ того, что великая революція выдвинула идею о *національномъ суверенитетѣ* и о *націи,* какъ самоопредѣляющейся и автономной величинѣ. Правда, первоначально и въ принципѣ эта автономная величина понималась, какъ самоопредѣляющаяся главнымъ образомъ по отношенію къ своей внутренней государственной организаціи. *Нація* противополагалась *коронѣ,* правительству. *Національизмъ* въ революціи совпадалъ, слѣдовательно, съ *либерализмомъ* и *республиканствомъ.* Но такъ было только вначалѣ. Теченіе событій не замедлило—и очень скоро—внести въ эту концепцію націи существенную поправку, именно—ту поправку, которая сдѣлала изъ національизма, въ смыслѣ настроенія, то, чѣмъ онъ остался съ тѣхъ поръ вплоть до нашихъ дней: она сдѣлала изъ него синонимъ *патріотизма.* Это случилось, когда событія поставили объявившую о своей автономіи французскую націю лицомъ къ лицу съ иноземнымъ нашествіемъ, и когда ей пришлось самоопредѣляться уже не по отношенію къ французскимъ коронѣ и скипетру, а по отношенію къ иноземнымъ пушкамъ и штыкамъ. Послѣ первыхъ же выстрѣловъ вторгшейся во Францію арміи принца Брауншвейгскаго, просвѣщенный космополитизмъ какъ рукой сняло у французовъ. Наступилъ небывалый еще во Франціи и невиданный въ Европѣ взрывъ національнаго патріотизма, охватившаго вмѣстѣ съ „просвѣщенными" слоями и народныя массы. Этотъ національный подъемъ далъ Франціи ту почти сверхчеловѣческую силу сопротивленія, которую тщетно пыталась сломить чуть не вся Европа. А Европѣ-то какъ разъ и не хватало тогда именно того, что́ доставило Франціи пе-

ревѣсъ надъ ея противниками. Исходъ вооруженнаго столкновенія революціонной Франціи съ европейской коалиціей наглядно показалъ, какую могучую силу представляетъ собой національное одушевленіе.

Но вотъ иноземное нашествіе отбито, французское отечество спасено. Тѣмъ не менѣе, вызванный національно-патріотическимъ одушевленіемъ воинственный подъемъ продолжается, и удачно законченная *оборонительная* и *освободительная война* незамѣтно переходитъ въ *войну наступательную* и *завоевательную*. Хотя конвентъ оффиціально отклонялъ отъ себя какіе-либо завоевательные замыслы, но разъ французскія войска, преслѣдуя по пятамъ отступавшую армію коалиціи, вступали въ сосѣднія области, французскіе генералы, при содѣйствіи уполномоченныхъ конвента, принялись насаждать въ оккупированныхъ областяхъ якобинскую свободу, съ замѣной мѣстныхъ властей французскими, съ конфискаціей церковныхъ и монастырскихъ имуществъ и казенныхъ земель и недвижимостей въ пользу французской казны, съ введеніемъ французскихъ податей и налоговъ, съ принудительнымъ курсомъ обезцѣненныхъ французскихъ ассигнацій и принудительными займами. Все это быстро пробудило сосѣдей Франціи отъ національной дремоты. Кое-гдѣ уже въ 1792—3 гг. начались вспышки народной войны противъ непрошенныхъ освободителей. Такъ, въ сосѣднемъ съ Франціей нѣмецкомъ Пфальцѣ народъ самъ взялся за оружіе, чтобы выгнать „паршивыхъ французовъ". Роли перемѣнились. Изъ страны обороняющейся Франція превратилась въ страну нападающую и тѣмъ самымъ пробудила въ сосѣднихъ народахъ дремавшее національное сознаніе и вызвала у нихъ настроеніе, подобное тому, которое она только что сама пережила подъ вліяніемъ иноземнаго нашествія.

Такимъ образомъ, *французская революція положила начало тому всеобщему національному пробужденію и тому великому національному движенію, которое охватило всю Европу въ эпоху наполеоновскихъ войнъ,* которыя вѣдь были прямымъ, непосредственнымъ продолженіемъ войнъ революціонныхъ.

Если, благодаря своему національно-патріотическому подъему, Франція побѣдоносно отразила иноземное нашествіе въ

концѣ XVIII вѣка, то въ началѣ XIX вѣка наполеоновская Францiя сама потерпѣла крушенiе отъ столкновенiя съ ею же самой вызваннымъ нацiонально-патрiотическимъ движенiемъ у прочихъ европейскихъ народовъ.

Интересно отмѣтить, что раньше всего этотъ нацiонально-патрiотическiй подъемъ обнаруживается въ Англiи, то-есть въ той изъ западно-европейскихъ странъ, гдѣ *государство* наиболѣе прочно спаялось съ *нацiей,* благодаря тому, что, въ отличiе отъ Францiи и другихъ государствъ континента, Англiя сохранила нацiональное представительство въ своемъ парламентѣ.

Англiйская государственность, слагавшаяся изъ постояннаго взаимодѣйствiя и дѣятельнаго сотрудничества короны и нацiональнаго представительства, была всегда проникнута глубоко нацiональнымъ характеромъ. Англiйскiй нацiонализмъ былъ поэтому настолько проченъ, что онъ устоялъ—и онъ одинъ—противъ охватившаго всю Европу въ XVIII вѣкѣ „просвѣщеннаго" космополитизма. Это высокое государственно-нацiональное развитiе Англiи объясняетъ намъ и тотъ фактъ, что англiйское общество, за исключенiемъ ничтожныхъ по своему значенiю кружковъ, осталось чуждо тому увлеченiю французской революцiей, которымъ одно время были охвачены широкiе общественные круги на континентѣ. Высоко-развитое государственно-нацiональное чутье какъ бы давало Англiи даръ прозрѣнiя тѣхъ бѣдъ и опасностей, которыя таились въ нѣдрахъ французской революцiи для прочихъ европейскихъ народовъ.

Въ то время, когда на континентѣ лишь *правительства* начинали что-то придумывать противъ революцiонной Францiи, при полномъ равнодушiи своихъ подданныхъ, а то и при сочувствiи ихъ французамъ,—въ Англiи поднималась могучая общественная волна противъ революцiонной Францiи. Уже въ 1792 году франкофобское настроенiе составляетъ господствующую ноту въ англiйской прессѣ и въ парламентскихъ рѣчахъ. Англiйскiй премьеръ Питтъ, являвшiйся выразителемъ тогдашняго настроенiя страны, былъ, какъ извѣстно, инициаторомъ и, можно сказать, творцомъ первой европейской коалицiи противъ революцiонной Францiи, и можно сказать, что, если на континентѣ эта коалицiя была дѣломъ *прави-*

тельствъ, то въ Англіи она была дѣломъ *націи*. Будь бы эта коалиція такимъ же національнымъ дѣломъ на континентѣ, она, конечно, не окончилась бы такъ плачевно для союзниковъ. Однако, и послѣ разгрома коалиціи Англія не сложила оружія и одна продолжала борьбу. Она же продолжала оставаться душой и всѣхъ послѣдующихъ дипломатическихъ и военныхъ комбинацій противъ наполеоновской Франціи вплоть до 1812 г., когда центральная роль въ европейской борьбѣ противъ Наполеона перешла къ Россіи. Въ этомъ случаѣ Англіи, конечно, серьезную услугу оказало ея островное положеніе, но географическое положеніе, несомнѣнно, играло въ данномъ случаѣ лишь роль благопріятной обстановки для проявленія того могучаго фактора, которымъ обладала эта страна въ своемъ высокоразвитомъ національно-государственномъ сознаніи.

XIV.

Для того, чтобы пробудить національное сознаніе у континентальныхъ націй, потребовалась основательная встряска со стороны Наполеона. Самую сильную встряску получила, какъ извѣстно, Пруссія, которая послѣ Іены и Ауэрштедта была безжалостно искромсана и низведена на степень второстепенной и поднадзорной державы. Чувство боли отъ этого національно-государственнаго униженія было настолько жгуче, что противъ него оказались не въ силахъ устоять даже такіе убѣжденные „вельтбюргеры“, какимъ былъ упомянутый уже мною философъ Фихте, еще недавно проповѣдовавшій всемірное гражданство (Weltbürgerthum) и доказывавшій, что просвѣщенный нѣмецъ его времени долженъ считать своимъ отечествомъ не Германію, а „наиболѣе просвѣщенную страну“ Европы. Все это проповѣдовалось наканунѣ Іены и Ауэрштедта. Послѣ этого перваго грома, разразившагося надъ отечествомъ, тотъ же Фихте начинаетъ уже говорить о патріотизмѣ, который, правда, онъ все еще пытается примирить съ своимъ принципіальнымъ космополитизмомъ. Онъ считаетъ возможнымъ *оправдать* патріотизмъ тѣмъ соображеніемъ, что любовь къ отечеству есть въ сущности одно изъ проявленій

любви къ человѣчеству, и, служа отечеству, мы тѣмъ самымъ служимъ всему человѣчеству. Итакъ, просвѣщенному человѣку уже разрѣшалось быть патріотомъ и считать своимъ отечествомъ хотя бы и не самую просвѣщенную, но свою собственную родину, и не только—имѣть свою родину, но и любить ее. Это былъ моментъ, когда еще не вполнѣ выяснились всѣ размѣры ожидавшей Пруссію послѣ военнаго разгрома національной катастрофы. И вотъ, когда послѣ тильзитскаго мира обнаружилась вся глубина постигшаго страну національнаго бѣдствія, тотъ же Фихте совершенно забываетъ о своихъ оговоркахъ въ оправданіе патріотизма и изъ равнодушнаго къ націи космополита превращается въ самаго пламеннаго и даже крайняго нѣмецкаго патріота-націоналиста, у котораго національно-патріотическое настроеніе получаетъ даже явный оттѣнокъ шовинизма. Въ своихъ пламенныхъ „Рѣчахъ къ нѣмецкой націи“, читанныхъ имъ зимою 1807—8 года въ Берлинѣ, Фихте заявляетъ, что онъ хочетъ говорить „только нѣмцамъ и только о нѣмцахъ“, какъ единой націи, совершенно игнорируя тѣ раздѣленія, которыя были въ нее внесены злосчастными историческими обстоятельствами. Онъ приглашаетъ своихъ слушателей проникнуться сознаніемъ національнаго единства и любовью къ своему несчастному нѣмецкому отечеству. Любовь къ отечеству есть, по его словамъ, одно изъ проявленій любви къ вѣчному. Но отечество есть лишь у того, кто обладаетъ *національнымъ сознаніемъ*. Нѣмцы, несмотря на раздѣляющія ихъ политическія границы, не только составляютъ единую націю, но это *нація по преимуществу*, потому что только нѣмцы обладаютъ даромъ пониманія высшихъ началъ мысли и жизни; только у нихъ религія, философія, государство являются одухотвореными, тогда какъ другіе народы относятся къ этимъ началамъ чисто внѣшнимъ и механическимъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фихте подвергаетъ рѣзкой критикѣ ту самую „просвѣщенную философію“ XVIII вѣка, изъ которой самъ онъ, вмѣстѣ съ прочими своими просвѣщенными соотечественниками, еще недавно черпалъ свое вдохновеніе.

Это почти внезапное перерожденіе поклонника французской философіи въ ея рѣшительнаго противника, и убѣжденнаго „гражданина вселенной“ въ яраго нѣмецкаго націона-

листа представляетъ собою яркую иллюстрацію того интеллектуальнаго и моралнаго перелома, который начинался въ Западной Европѣ подъ вліяніемъ пережитаго ею въ эпоху наполеоновскихъ войнъ потрясенія.

Война правительствъ постепенно превращалась въ войну народовъ. Въ 1808 году вспыхиваетъ народное возстаніе въ Мадридѣ противъ занявшихъ столицу Испаніи французовъ. Это было началомъ знаменитой народной войны въ Испаніи противъ французскаго нашествія. Почти одновременно вспыхиваетъ возстаніе въ Вестфаліи, правда вскорѣ подавленное французами. Въ слѣдующемъ году вспыхнула народная война въ Тиролѣ подъ предводительствомъ извѣстнаго Андрея Гофера. Въ концѣ 1811 года вестфальскій король Жеромъ Бонапартъ сообщалъ своему брату императору о томъ, что національное возбужденіе въ Западной Германіи противъ французовъ настолько велико, что достаточно малѣйшей искры, чтобы разразилось всенародное возстаніе. Ждать пришлось недолго. Не искра, а цѣлая туча искръ отъ пылавшей Москвы налетѣла на Европу. Разгромъ великой арміи подъ обоюдными ударами стихій и пробудившагося въ Россіи народнаго патріотизма послужилъ сигналомъ къ взрыву всеобщаго народно-патріотическаго движенія—сначала въ Германіи, а затѣмъ и во всей остальной Европѣ. Первою поднялась Пруссія, успѣвшая, благодаря перенесенному ею національному бѣдствію, ранѣе другихъ странъ очнуться отъ національной дремоты. Любопытно отмѣтить, что правительство прусское, даже послѣ Березины, все еще колебалось открыто примкнуть къ Россіи, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III лишь подъ неодолимымъ давленіемъ могучаго движенія, поднимавшагося изъ народныхъ глубинъ, въ которыхъ впервые проснулся патріотизмъ и національный гнѣвъ противъ иноземнаго насилія. То же самое повторялось и въ другихъ странахъ. Всюду правительства одно за другимъ стряхивали съ себя малодушное оцѣпенѣніе подъ напоромъ народныхъ массъ, охваченныхъ національно-патріотическимъ порывомъ. *Это былъ небывалый еще въ исторіи Европы по ширинѣ размаха и высотѣ діапазона національный подъемъ.*

XV.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ данъ могучій толчекъ развитію національнаго національнаго национализма въ Западной Европѣ, какъ явленія длительнаго и постояннаго. На первыхъ порахъ, впрочемъ, это развитіе шло довольно туго. Причинъ тому было немало. Во-первыхъ, какъ мы видѣли, правящіе круги все еще не успѣли проникнуться національнымъ настроеніемъ и играли въ національномъ движеніи болѣе пассивную, чѣмъ активную роль, не столько руководя движеніемъ, сколько уступая его напору. И это отсутствіе національнаго чутья и національнаго сознанія у правящихъ круговъ не замедлило ярко обнаружиться, какъ только, съ водвореніемъ мира, народныя массы отхлынули къ своимъ плугамъ и заступамъ, предоставивши своихъ правителей самимъ себѣ. Послѣдніе, какъ извѣстно, начали съ того, что на Вѣнскомъ конгрессѣ занялись перекраиваніемъ европейской карты и выкраиваніемъ изъ нея болѣе или менѣе крупныхъ лоскутьевъ для территоріальныхъ округленій и компенсацій побѣдителей въ послѣдней великой борьбѣ, совершенно не считаясь при этомъ съ національнымъ составомъ населенія перекраиваемыхъ областей.

Съ другой стороны, и народныя массы, разбуженныя внѣшнимъ толчкомъ, снова впали въ національную спячку, какъ только миновалъ кризисъ. И могло ли быть иначе, если принять во вниманіе полную оторванность этихъ массъ отъ культурно-общественной жизни, благодаря ихъ невѣжеству— съ одной стороны, благодаря отсутствію національно-представительныхъ учрежденій въ большей части европейскихъ государствъ съ другой. Отсюда важное значеніе, въ качествѣ факторовъ дальнѣйшаго развитія национализма въ Западной Европѣ, распространенія просвѣщенія въ народныхъ массахъ, а съ другой стороны -постепеннаго пріобщенія ихъ къ національно-государственной жизни чрезъ посредство національно-представительныхъ учрежденій. Постепенная перестройка европейской государственности на началахъ народнаго представительства въ теченіе XIX вѣка, является еще въ томъ отношеніи важнымъ факторомъ развитія національнаго, что именно, *благодаря болѣе или менѣе широкому*

участію народныхъ массъ въ государственной жизни, европейскія правительства постепенно и сами прониклись тѣмъ національнымъ духомъ, котораго имъ не доставало еще въ эпоху Вѣнскаго конгресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся политика европейскихъ государствъ какъ внутренняя, такъ и международная, все болѣе и болѣе проникается все тѣмъ же національнымъ духомъ. И это не простая случайность, что всѣ либеральныя движенія въ Западной Европѣ, которыми наполнено полустолѣтіе послѣ вѣнскаго конгресса носятъ болѣе или менѣе яркую національную окраску. Во всѣхъ этихъ движеніяхъ тѣсно переплетаются между собой чисто національныя стремленія къ освобожденію отъ чужой власти, стремленіе къ національному объединенію и созданію національной государственности, наконецъ стремленіе къ установленію національнаго представительства. Такъ, одно изъ наиболѣе раннихъ движеній этого рода, въ Италіи, имѣло вначалѣ характеръ отечественной борьбы за освобожденіе родины отъ французовъ, потомъ отъ австрійцевъ; затѣмъ въ немъ обнаруживаются одновременныя стремленія къ національному объединенію, къ созданію національной государственности и вмѣстѣ — къ политической свободѣ, въ смыслѣ созданія національнаго представительста. Это движеніе и завершилось въ концѣ концовъ національно-политическимъ объединеніемъ Италіи въ формѣ конституціонной монархіи въ 1870 году.

Національно-объединительное движеніе въ Германіи, начало котораго кроется все въ той же героической національно-освободительной борьбѣ съ наполеоновской Франціей, точно также идетъ объ руку съ движеніемъ либеральнымъ, и въ концѣ концовъ заканчивается, какъ и въ Италіи, національно-политическимъ объединеніемъ въ формѣ конституціонной федеративной монархіи, т. е. Германской Имперіи. Интересно отмѣтить, что въ обоихъ случаяхъ, и въ Италіи и въ Германіи, дѣло національно-политическаго объединенія, вышедшее изъ національно-патріотическаго движенія, вызваннаго Франціей Наполеона I, завершилось при невольномъ содѣйствіи Франціи Наполеона III.

Одновременное объединеніе двухъ великихъ европейскихъ націй въ формѣ конституціонныхъ монархій въ 1870—1871 г. является одновременно торжествомъ національзма и кон-

ституціонализма. Съ этого времени участіе народнаго представительства въ государственной жизни дѣлается достояніемъ всей Западной Европы, и это является крупнымъ шагомъ къ дальнѣйшей *націонализаціи европейской государственности.*

XVI.

Окончательному завершенію этого процесса *государственной кристаллизаціи національностей* препятствуетъ отсутствіе полнаго соотвѣтствія между границами національностей— съ одной стороны и государствъ –съ другой. Изъ всѣхъ великихъ націй Западной Европы вполнѣ объединенною можетъ считаться лишь Англія. Вполнѣ объединенными не могутъ считаться ни Франція, имѣющая необъединенныхъ родичей въ предѣлахъ Германіи и Бельгіи, ни Германія, въ составъ которой не вошли нѣмецкія земли Австріи; ни Италія, въ которой остаются „неискупленныя" части, какъ выражаются итальянцы, во Франціи и въ Австро-Венгріи. Равнымъ образомъ, каждая изъ великихъ объединенныхъ государственно націй заключаетъ въ своемъ государственномъ организмѣ болѣе или менѣе значительный процентъ инородческихъ элементовъ. Въ данномъ случаѣ *государственному національзму* объединенныхъ великихъ націй приходится сталкиваться съ *антигосударственнымъ націонализмомъ* инородческихъ группъ. Впрочемъ о серьезной борьбѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи, въ виду подавляющаго преобладанія господствующихъ націй. Совсѣмъ другое тамъ, гдѣ при отсутствіи единообразнаго національнаго состава, не имѣется на лицо и господствующей націи Тамъ о націонализаціи государственности, конечно, не можетъ быть рѣчи. Такъ было съ Нидерландскимъ королевствомъ, составленнымъ дипломатами вѣнскаго конгресса изъ двухъ національно-разнородныхъ частей, изъ которыхъ ни одна не имѣла безусловнаго перевѣса; кончилось, какъ извѣстно, тѣмъ, что послѣ такъ называемой бельгійской революціи 1830 года это искусственное политическое тѣло распалось на двѣ части, соотвѣтственно своему національному составу: Бельгію и Голландію. Подобное же явленіе, только въ гораздо большемъ масштабѣ, мы имѣемъ не-

редъ собой въ лицѣ Австро-Венгріи, объединившей, въ силу историческихъ судебъ, въ своемъ составѣ нѣсколько различныхъ національныхъ тѣлъ. При отсутствіи здѣсь господствующей націи, не можетъ быть вовсе рѣчи о *государственномъ національизмѣ*, если подъ государствомъ понимать имперію въ ея цѣломъ. Национализація государственности здѣсь возможна лишь подъ условіемъ распаденія этого цѣлаго. Серьезный надрывъ въ этомъ цѣломъ уже былъ произведенъ, какъ извѣстно, сначала венгерскимъ возстаніемъ 1849 года, а затѣмъ установленіемъ дуализма въ 1867 г. Обнаружившееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія національное пробужденіе у австро-венгерскихъ славянъ и со дня на день крѣпнущій на нашихъ глазахъ національизмъ у чеховъ, сербохорватовъ, русскихъ галичанъ довольно убѣдительно говорятъ намъ, что на этомъ дѣло не остановится.

XVII.

Теперь отъ *національизаціи государственности* перейдемъ къ той сторонѣ дѣла, которую можно назвать *національизаціей культуры*. Переживаемый Западной Европой періодъ начиная со времени великой революціи, можетъ быть названъ *вѣкомъ культурнаго національизма* съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ и *вѣкомъ національизма государственнаго*. Литература, искусство, даже философія и наука, несмотря на свой общечеловѣческій характеръ, получаютъ все болѣе и болѣе глубокій отпечатокъ индивидуальнаго генія отдѣльныхъ націй. Въ особенности это замѣтно въ области наукъ о человѣческомъ обществѣ, и въ частности—въ области исторіографіи. Что касается въ особенности *исторіографіи*, то національный характеръ ея проявляется не только въ предпочтительномъ интересѣ историковъ къ родной старинѣ и къ родной исторіи, но также и въ общемъ направленіи, въ научныхъ пріемахъ, въ характерѣ литературнаго построенія. Въ наше время приходится нерѣдко слышать и читать такія выраженія, какъ *нѣмецкая школа*, *французская*, *англійская школа въ исторіографіи, въ соціологіи, въ правѣ*. Эти выраженія, которыя звучали бы дико и непонятно въ средніе вѣка и по меньшей мѣрѣ странно въ

вѣкъ просвѣщенія, въ наше время не вызываютъ ни удивленія ни недоумѣнія, потому что за этими выраженіями скрывается вполнѣ опредѣленный реальный фактъ, неизвѣстный не только среднимъ вѣкомъ, но и восемнадцатому вѣку: этотъ фактъ—*націоналазація науки*, фактъ который въ свою очередь составляетъ лишь частное проявленіе другого болѣе общаго факта: *націонализаціи всей духовной культуры*.

XVIII.

И не въ этомъ ли фактѣ *націонализаціи культуры* лежитъ одна изъ причинъ той *высокой культурности*, которой достигли западные народы въ новѣйшее время? Вѣдь что такое въ конечномъ итогѣ *культура*, какъ не накопленіе наиболѣе цѣнныхъ результатовъ дѣятельности человѣческаго духа въ лицѣ его наиболѣе геніальныхъ представителей? Но все, что *геніально*, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда и *индивидуально*, а индивидуальное всегда *національно*.

Въ пользу высказываемаго здѣсь положенія говоритъ также и тотъ наглядный и безспорный фактъ, что высокая степень культурнаго развитія обыкновенно совпадаетъ и съ высокоразвитымъ національнымъ самосознаніемъ. Чѣмъ выше національное самосознаніе, тѣмъ выше и культурное развитіе и наоборотъ. Наиболѣе высоко стоящія въ культурномъ отношеніи націи, англичане, французы, нѣмцы, въ то же время отличаются и наиболѣе высоко развитымъ національнымъ сознаніемъ.

Правда, тамъ, на Западѣ, о національизмѣ говорятъ и пишутъ гораздо меньше, чѣмъ у насъ. Но это вполнѣ естественно и понятно: не зачѣмъ обсуждать или доказывать то, что всѣми признается, что всѣми осуществляется, что само собой подразумѣвается. Ни англичанамъ, ни французамъ, ни нѣмцамъ нѣтъ нужды заводить у себя клубы англійскихъ, французскихъ или нѣмецкихъ націоналистовъ, потому что всѣ они въ сущности и безъ того націоналисты, не исключая даже большинства тѣхъ изъ нихъ, которые выдаютъ себя за соціалистовъ, то-есть приверженцевъ безнаціональныхъ, чисто космополитическихъ идеаловъ. И ни въ чемъ, быть можетъ

не сказывается болѣе разительно и ярко необыкновенная мощь національизма на Западѣ, какъ именно въ этомъ властвованіи его надъ душами тѣхъ людей, которые заявляютъ себя послѣдователями ученія, одной изъ первыхъ заповѣдей котораго является отрицаніе всякаго національизма.

И тотъ фактъ, что въ Кіевѣ, „матери городовъ русскихъ“, оказалось нужнымъ устроить клубъ русскихъ націоналистовъ и имѣть особое помѣщеніе, гдѣ бы могли сходиться вмѣстѣ и бесѣдовать русскіе люди, соединяющіе свое русское происхожденіе съ соотвѣтствующимъ національнымъ настроеніемъ,— этотъ фактъ есть наглядное и разительное доказательство того, до какой степени русское образованное общество *отстало* въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, и во многихъ другихъ, отъ европейскаго Запада. Окрестить эту несомнѣнную отсталость „прогрессивностью“, какъ это любятъ у насъ дѣлать приверженцы космополитизма,—это не болѣе, какъ покушеніе на самоутѣшеніе съ явно негодными средствами и вдобавокъ съ неменѣе явнымъ насиліемъ надъ вполнѣ яснымъ смысломъ слова „прогрессъ“. Ужъ, конечно, не въ томъ заключается въ двадцатомъ вѣкѣ прогрессъ, чтобы питаться крохами, когда-то падавшими со стола Вольтера и энциклопедистовъ, и цѣпляться за обрывки космополитическихъ идеаловъ, давнымъ давно сданныхъ на Западѣ въ архивъ исторіи. Прогрессъ, какъ показываетъ точный смыслъ самаго слова, заключается въ томъ, чтобы идти впередъ, а не пятиться назадъ,—идти вровень съ своимъ вѣкомъ, не отставая отъ него. А нашъ вѣкъ есть вѣкъ національизма, и націоналисты, какъ люди особенно чуткіе къ біенію историческаго пульса, имѣютъ болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, право на званіе *прогрессистовъ*.



Печатныя работы проф. П. Н. Ардашева,

ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

А. С. Суворина, Н. Я. Оглоблина, Л. Идзиковскаго и друг.



Исторія Западной Европы въ новѣйшее время. (Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. Петрова). Часть I. Спб. 1910. **Цѣна 1 р. 40 к.**—Часть II. Спб. 1910. **Цѣна 1 р. 60 к.**

Абсолютная монархія на Западѣ. Спб. 1902. **Цѣна 1 р.**

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (1774—1789). Провинціальные интенданты. Томъ I. Спб. 1900. **Цѣна 2 р. 50 к.**—Томъ II. Кіевъ, 1906. **Цѣна 2 р. 75 к.** (Удостоено Московскимъ университетомъ преміи С. М. Соловьева и Императорской Академіей Наукъ преміи митрополита Макарія).

Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Москва, 1890. **Цѣна 2 р.** (Студенческое сочиненіе, удостоенное Историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета золотой медали).

Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ, 1905. **Цѣна 75 к.**

О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ, 1904. **Цѣна 35 к.**

Разборъ книги А. Ону: „Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія“. Спб. 1909. **Цѣна 40 к.**

Нѣсколько словъ по поводу книги проф. Олара и Тэнѣ. Кіевъ, 1910. **Цѣна 10 к.**

Французскій Bailli и его римскіе и византійскіе предки. Кіевъ, 1910. **Цѣна 20 к.**

Мѣсяцъ во французской провинціи (Шампани). Изъ дневника П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1903. **Цѣна 50 к.**

Національзмъ на Западѣ. Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе моменты его развитія. Кіевъ, 1911. **Цѣна 25 к.**

Похвала глупости. Сатира Эразма Роттердамскаго. Переводъ съ латинскаго проф. П. Н. Ардашева. Изд. 3-е. Кіевъ, 1910. **Цѣна 50 к.**

Цѣна 25 коп.

6666


2007056171